



Диана  
Зотова

ЭПИТАФИЯ  
ПЕГГО

18+

# Диана Зотова

## Эпитафия Пего

*<https://litres.ru/74045169>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Дмитрий Пегасин, известный как Пего, — один из тринадцати наследников криминального мира, без совести и страха. Его смех громче выстрелов, шутки смертельны, а жизнь — бесконечная игра без правил.

Светлана Грובהва — фарфоровая кукла с дрожащим голосом. Она заикается от страха и отдана Дмитрию в брак ради сделки.

Он не верит в добро, она боится зла. Но что, если хрупкость может сломать броню жестокости, а молчание заставит услышать то, что годами было погребено под смехом? Или одно зло может победить вечный страх?

#Добро пожаловать в мир Пего#!

#Атмосфера готики

#Опасный герой

#Сильная героиня

#Злая шутка судьбы

#Спасение друг друга

# Содержание

Внимание!	4
Глава 1. Улыбка — обещающая хаос	7
Глава 2. Тринадцатый наследник	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

# Диана Зотова

## Эпитафия Пего

### Внимание!

*Данная книга предназначена исключительно для лиц старше 18 лет.*

*В тексте присутствует:*

*ненормативная лексика, откровенные сексуальные сцены, сцены распития алкоголя (автор осуждает и не поощряет подобный образ жизни). Книга не имеет намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства, взгляды или убеждения.*

*Все события, места, персонажи и диалоги являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны. Произведение предназначено исключительно для развлекательного чтения.*

##### \_\_\_\_\_



АТМОСФЕРА  
ГОТИКИ

ОПАСНЫЙ  
ГЕРОЙ

СИЛЬНАЯ  
ГЕРОИНЯ

ЗЛАЯ ШУТКА  
СУДЬБЫ

СПАСЕНИЕ  
ДРУГ ДРУГА

ЭПИТАФИЯ ПЕГО

Диана Зотова



# ЭПИТАФИЯ ПЕГО

Диана Зотова

Темный роман о любви, грехе и спасении

ХРУПКОСТЬ СМОГЛА  
СЛОМАТЬ БРЮНУ  
ЖЕСТОКОСТИ.

МОЛЧАНИЕ —  
ЗАСТАВИЛО УСЛЫШАТЬ ТО,  
ЧТО ГОДАМИ БЫЛО  
ПОГРЕБЕНО ПОД СМЕХОМ.

ОДНО ЗЛО  
ПОБЕДИЛО ВЕЧНЫЙ  
СТРАХ.

ОДНА ОШИБКА,  
КОТОРАЯ СТОИЛА  
ЖИЗНИ.

Я НЕ СМОГЛА  
НЕ СПАСТИ...

ЭТО БЫЛА ЗЛАЯ  
ШУТКА ЖИЗНИ.  
ЗАБАВНАЯ И СТРАШНАЯ.



Дмитрий Пегасин, известный как Пего, — один из тринадцати наследников криминального мира, без совести и страха. Его смех громче выстрелов, шутки смертельны, а жизнь — бесконечная игра без правил.

Светлана Грובהва — фарфоровая кукла с дрожащим голосом. Она заикается от страха и отдана Дмитрию в брак ради сделки.

Он не верит в добро, она боится зла. Но что, если хрупкость может сломать броню жестокости, а молчание заставит услышать то, что годами было погребено под смехом? Или одно зло может победить вечный страх?

#Добро пожаловать в мир Пего#!

***Подписывайся на меня в ВК:***

**[Диана Зотова | Современные любовные романы](#)**

*Это обязательно, ведь только там я буду давать к каждой следующей главе промо-ролики, где герои реалистичные и будут намекать тебе о том, что случится с ними в следующей главе!*

# Глава 1. Улыбка — обещающая хаос



Он ненавидел утро.

Оно воняло хлоркой, дешёвым кофе и ложью — той самой, что в его мире была как воздух: её не замечаешь, пока не начнёшь задыхаться. А он давно научился дышать этим. Насквозь пропитался.

За окном раскинулся унылый пейзаж: серый асфальт, мокрый после ночного дождя. В лужах, будто в кривых зеркалах, отражались неоновые вывески — «Бар Туман», «Ремонт обуви», «Аптека 24 часа». Последняя — для тех, кто не дотягивает до утра. Он знал пару таких. И точно знал, кто им не дал дотянуть.

Это был он.

На столе перед ним лежала папка — толстая, кожаная, с монограммой «П» на обложке. Его отец обожал символы, верил, что буквы на коже — это сама линия судьбы. Пего же верил только в сталь и в тот звук, с которым она входит в плоть.

Вкусно. Красиво.

Он открыл папку. Внутри — фотографии, лица, имена, суммы долгов. Среди них — старик с трясущимися руками. Должен восемьсот тысяч. Трясётся, клянётся, что болен. А его дочь — студентка, учится на врача.

Пего улыбнулся.

Смех вырвался сам — резкий, сухой, с нотками презрения, будто выстрел в тишине. Он смеялся, потому что это

действительно было смешно. Мир — огромная шутка, а люди в нём — жалкие марионетки. Кто-то дёргает за нитки, кто-то — перерезает их.

Он предпочитал второе. Всегда. Обожал срезать линии.

— Пего, — в дверь постучал Лик, его «правая рука» и единственный человек, которого он терпел дольше пяти минут. — Машина готова. И там ещё это Отец звонил. Сказал, чтобы ты приехал к нему сегодня. Лично.

Пего захлопнул папку. Улыбка так и не сошла с лица — застыла, как маска, пугающая и притягательная одновременно. От неё у любого по спине пробежали бы ледяные мурашки.

— Какая прелесть! Папка по сыну заскучал, — бросил он с издёвкой. — Передай, что я буду. Как раз хотел обсудить с ним пару семейных шуток.

Лик кивнул, но взгляд поспешно отвёл. Все они так делали. Все знали: когда Пего смеётся — жди беды. Его смех не предвещал ничего хорошего. Что за ним всегда следует что-то острое, мокрое и очень, очень окончательное.

Он надел пиджак и, подмигнув своему отражению в зеркале — тому самому, с пугающей ухмылкой и ледяным блеском в глазах, — направился к выходу из штаба.

Долго он размышлял, где разместить эту вот цитадель своих тёмных дел. Отец настаивал на офисе в центре города: панорамные окна, вид на парк — чтобы «занять своё место под солнцем», чёрт бы его побрал. Пего тогда только расхохотал-

ся — громко, от души, так, что стёкла задрожали, а кто-то в соседнем помещении перекрестился. И пошёл наперекор всем ожиданиям.

Потому штаб его базировался на складе в промышленной зоне — там, где из света были лишь неоновые вывески заброшенных цехов. Они мерцали, как гнилушки в лесу, бросая призрачные отблески на ржавые стены. Фонарей тут не было — да и зачем? Он сам был источником света. Его харизма, будь она неладна, и так освещала всё на сотню метров вокруг — ярче любой лампы, опаснее любого прожектора.

Пего спустился по лестнице со второго этажа, небрежно придерживая пиджак — не чтобы не помялся, а чтобы ножны под мышкой не торчали слишком явно. Бросил взгляд на своих людей: те уже распаковывали ящики с границы. Грохотали коробки, рвался скотч, кто-то тихо матерился, когда очередной ящик чуть не упал на ногу.

Каждый заметил его появление. Кивал с осторожностью — коротко, почти незаметно, будто боялся привлечь лишнее внимание. Уважение из страха — вот что он видел в их глазах. Впрочем, этого он добивался всю жизнь. Подругому он не умел. Да и не хотел. Страх — лучшая валюта. Она не обесценивается, не подделывается и всегда в ходу.

Он вышел на улицу. Дождь закончился, но воздух всё ещё пах кровью. Не свежей — старой, засохшей. Она тут повсюду: въелась в асфальт, впиталась в стены, текла в его венах. Этот запах — его фирменный парфюм, метка территории,

предупреждение всем, кто рискнёт сунуться не туда.

Если нити судеб и перерезались, то только здесь, на его локации. Сюда даже ненужные человечеству органы не суются — знают, что место проклятое. А почему? Да потому что боятся. Кого? Его. Пего любил балагурить на этой планете: мир пошатнуть, людей припугнуть. Пускай трепещут. Пускай знают, кто тут главный шутник — и кто пишет финальные строчки в их историях.

Он веселился. И пусть весь мир крутится вокруг его чёрной шутки — пока ктонибудь не попытается её испортить. Тогда он научит его понимать иронию. По-своему. Наглядно.

Пего сел в машину. Водитель молчал. Музыка не включал. Умный парнишка. Молодой совсем — кожа гладкая, взгляд ещё не замутнён кровью и цинизмом.

— Куда? — спросил водитель, глядя в зеркало.

Пего прищурил один глаз, изучая его в отражении.

— Сколько лет? — бросил он.

— Девятнадцать, — кивнул водитель.

Бровь Пего поползла вверх от удивления. Он заметил, как венка на шее парня пульсирует — бешено, судорожно, будто пытается вырваться наружу. Сердце скачет, ладони наверняка вспотели. Его боятся.

Какая приятность!

— Что заставило на меня работать? — цокнул Пего и улыбнулся, взглянув в окно. За стеклом раскинулся его мир — серые склады, ржавые трубы, территория, превращённая

им в личный театр жестокости и иронии.

— Мать раком больна. Вторая стадия, — ответил парень с дрожанием в голосе. Слова давались ему тяжело, будто он глотал осколки — острые, колючие, разрывающие горло изнутри.

— Мааать, — протянул Пего, а потом вдруг резко подался вперёд, почти касаясь губами уха водителя. — Если восемь миллионов тебе сейчас выложу, обязанности оставишь? — прошипел он с веселинкой на лице, вцепившись в спинку водительского сидения так, что пальцы побелели.

Он видел, как парнишка на глазах бледнеет — лицо становится белым, как бумага, на которой Пего часто писал смертные приговоры. Венка на шее уже не просто пульсировала — она вздулась, набухла, словно вотвот лопнет и раскрасит весь этот люксовый кожаный бежевый салон алыми брызгами.

Забавно. Пего бы с удовольствием на такое посмотрел — на этот взрыв цвета в монохромном мире, на мгновенную смену палитры: от бежевого к кровавокрасному.

— Нет, Пего. Я верен тебе. Ты, возможно, меня не узнал, но я тебя помню. Мне было семь лет тогда, когда ты меня спас. Отца во дворе убили у нашего дома. И меня резать шли. Но ты появился

— Не продолжай, — цокнул Пего, резко отстранился и вернулся на место, с размаху падая спиной на спинку сидения.

Откинулся на подголовник, закрыл глаза. И картинка

всплыла, будто по заказу — яркая, чёткая, пропитанная яростью и адреналином

Мальчишка и правда на коленях стоял, слёзы лил, глядя на тело своего отца. Даже не смотрел на то, как его убийца уже замахивается и на него. Пего в тот момент подоспел не вовремя — его человек уже лежал без движения, а сын вот-вот должен был последовать за ним.

Сколько ему тогда было? А, шестнадцать всего. И как же он был зол! Ярость кипела внутри, как лава в жерле вулкана, рвалась наружу, искала выход. Во второй год его правления убили его человека — порешали, как свинью. Потому Пего и ответил врагу смешнее. И лучше. Эпичней!

Он помнил, как мальчишка, замерев и не дыша, смотрел, как нож Пего поёт, входя в кожу. Как клинок звенит, разрезая воздух, как кровь брызжет на асфальт. А Пего смеялся — громко, раскатисто, впитывая эти незабываемые ощущения до последней капли: дрожь жертвы, металлический запах железа, восторг абсолютной власти. В тот момент он почувствовал себя богом — творцом судеб, распорядителем жизнью. И это чувство опьяняло сильнее любого дурмана.

— Кличку дали? — спросил Пего с ухмылкой и подмигнул парню в зеркале заднего вида.

— Да, — кивнул тот.

— Назови.

— Мел, — произнёс водитель и сглотнул; пальцы на руле чуть подрагивали, выдавая внутреннее напряжение.

— Мельников? И малец? — расхохотался Пего, откинувшись на спинку сиденья. — Дай угадаю, кличку Лик выдал?

— Он, — улыбнулся парнишка. В этой улыбке мешалось чтото детское, наивное — и чтото уже выученное, въевшееся в подкорку: страх, осторожность, привычка держать язык за зубами.

— Так куда путь держим? — уточнил Мел, стараясь говорить ровно.

— Туда, где весело, — ответил Пего, растягивая губы в широкой, недоброй улыбке, от которой у любого здравомыслящего человека по спине пробежал бы холодок. — И где будет ещё веселее. Для меня, по крайней мере.

Мотор зарычал, будто вторя мрачному настроению хозяина. Город плыл за окном — грязный, пропитанный потом и кровью, с вывесками, мерцающими, как гнилушки в тёмном лесу. Силуэты людей шарахались в стороны, едва завидев его машину: кто-то поспешно отворачивался, кто-то переходил на другую сторону улицы, кто-то застывал на месте, будто парализованный.

Пего снова рассмеялся — громко, раскатисто, с хрипотцой, от которой кровь стыла в жилах. Мел нервно сжал руль, костяшки его пальцев побелели.

«Привыкнет, — подумал Пего, разглядывая водителя с холодной насмешкой. — Либо научится держать лицо, либо»

В ином случае его ждала смерть. Пего не терпел слабости. Слабых — уничтожал. Это был закон его мира, незыблемый,

как гравитация.

День его, впрочем, редко радовал разнообразием — распорядок был скупен, до тошноты рутинный. За сутки он посетил всего три точки города.

Первая — главная база их дела, располагавшаяся в центре, в правлении отца. Стекло́нный небоскрёб с видом на парк — всё блестело и сияло, будто на глянцевой открытке. Там сидели люди в дорогих костюмах и делали вид, что управляют миром. Отец обожал эту мишуру — глянец, лоск, видимость власти. Пего же презирал всё это. Но ходил туда. Потому что надо.

Вторая точка — место обитания акул бизнеса и криминальных сливок общества. Закрытый клуб, созданный какимто чудачком, который умудрился собрать под одной крышей обе стороны власти: и криминал, и тех, кто законы пишет. Политики, бизнесмены, бандиты — все теснились в золотой клетке, где шампанское лилось рекой, а сделки заключались шёпотом, за закрытыми дверями.

Всё было подвязано. У них здесь так: нити сплетены в одну сеть, и Пего знал, где какие узлы затянуты. Знал, кто кому должен, кто кого боится, кто готов предать в любой момент.

И как бы это место ни бесило его — с его фальшивым блеском, лицемерными улыбками и ядовитой атмосферой, — ему приходилось там появляться. Держать руку на пульсе — ради отца, ради дела, ради своих людей. Как бы всё это ни раздражало, как бы ни хотелось разнести этот фальшивый

мирок в ключья.

Третья точка его «весёлого» дня и «насыщенного яркими красками» маршрута — штаб. Место, где Пего завершал этот день — и с него же начинал следующий.

Весело. Обхохочешься.

Машина вывернула в поворот, ведущий к главной базе, и в этот момент у Мела зазвонил телефон. Резкий, пронзительный сигнал разорвал тишину салона, заставив Пего невольно скривиться. А потом раздался голос его отца — усиленный динамиками, он заполнил всё пространство автомобиля, будто старик вдруг оказался рядом:

— Здравствуй, Дмитрий.

Пего закатил глаза, услышав это имя, и хмыкнул, уставившись в окно. За стеклом мелькали серые здания — безликие, унылые, как мечты тех, кто ещё верит в справедливость. Он ответил единственному родителю, стараясь вложить в голос максимум сарказма:

— И тебе не хворать, отец.

— Планы изменились. Ты должен срочно в клубе быть. Я уже туда выдвигаюсь. Встретимся там, сын.

Последнее слово заставило Пего сморщиться, будто от кислого лимона. «Сын». Как будто старик и правда видел в нём наследника, а не инструмент для своих грязных дел. Он лишь кивнул Мелу, и тот в ту же секунду сменил маршрут — резко вывернул руль. Машина заскользила по мокрому асфальту, а потом уверенно взяла новый курс. Мел сбросил

звонок и бросил на Пего короткий взгляд в зеркало.

— Что за клуб? — спросил он. — Тот самый

— Нет, — усмехнулся Пего, откинувшись на спинку сиденья. — Этот клуб совершенно другой. Я в нём был пару раз. Вот, кажется, сегодня будет мой третий. — Он улыбнулся, и улыбка вышла острой, как лезвие, — с намёком на грядущие неприятности.

— Адрес? — Мел сглотнул, но голос не дрогнул. «Молодец, учится», — мелькнуло в голове у Пего.

— Двигай за город, Мел. Там потом через лес поедем, — подмигнул он водителю и расплылся в безумной улыбке, уже предвкушая то, что увидит.

Он бывал там дважды — и до сих пор не мог забыть. Место, где маски срывали, а лица искажались в криках. Где деньги решали не всё, а страх был не последней валютой. Где Пего чувствовал себя живым.

Ему там очень нравилось шалить. В первый раз он устроил небольшой переполох — просто чтобы посмотреть, как быстро люди забывают о своём лоске, когда пахнет жареным. Во второй раз показал, кто здесь главный шутник, оставив после себя пару незабываемых «сюрпризов»: один — в виде сломанного носа местного авторитета, другой — в виде пары красноречивых посланий на стенах.

И сегодня он тоже побалагурит на славу. Пего предвкушал это, как хищник, почуявший запах добычи. Представлял, как вытянутся лица, когда он войдёт. Как занервничают те, кто

считает себя неприкасаемым. Как задрожат руки у тех, кто привык держать всех на крючке. В его воображении уже рисовались картины: кто-то побелеет, кто-то начнёт заикаться, кто-то судорожно потянется к оружию — и тут же отдёрнет руку, вспомнив, с кем имеет дело.

«О, будет весело», — подумал Пего, и его губы снова тронула та самая улыбка — опасная, хищная и обещающая хаос.

## Глава 2. Тринадцатый наследник

Пего облизнул губы — медленно, с предвкушением, — пока грубые руки охранников перед входом в клуб бесцеремонно шарили по его телу, проверяя на наличие, вероятно, бомбы. Оружие у Мела за поясницей они почемуто не тронули. Но самого Пего облапали от макушки до пят.

«Ну что ж, — подумал он, — шутки я им последним расскажу. А первыми услышать их они не заслужили — слишком тупы для моего тонкого юмора».

Он подмигнул громиле, который только что закончил его ощупывать. Тот скривился, уставившись в его глаза — разные, пугающие, гипнотизирующие. Пего не сдержался и расхохотался — громко, раскатисто и с хрипотцой.

Вошёл он, как всегда, эффектно — с высоко поднятой головой, расправив плечи, словно король, вступающий на трон. Каждое его движение, каждый шаг излучали такую мощную харизму, что воздух вокруг него будто сгущался. Мел плелся следом — бледный, напряжённый, но старающийся не подавать виду.

«Так себе затея — окунать мальчика в жуть с первого дня, — мелькнуло в голове у Пего. — Но вдруг выдержит? А если нет? Что ж, пулю я ему пушу сам. Без труда, без сожалений».

Однако, шагая вперёд, он вдруг осознал: если придётся убить Мела, он даже не улыбнётся. Это настораживало. Пе-

го нахмурился, пытаюсь понять, откуда взялось это странное чувство. Но быстро отмахнулся от него.

Клуб встретил его атмосферой гнилой роскоши. Бордовые бархатные шторы висели повсюду — ими можно было задушить десяток человек, и никто бы не заметил. Они разделяли группы людей, создавая иллюзию приватности. Огромные деревянные столы с зелёным сукном казино, за которыми восседала самая разная мерзость: жирные воротилы с золотыми цепями, бледные банкиры с бегаящими глазами, бандиты с каменными лицами.

Все взгляды тут же обратились к нему. Пего шёл вперёд, широко улыбаясь, явно наслаждаясь тем, как все эти «зенки» приклеились к нему. Он чувствовал их страх, их напряжение, их попытки угадать, что он выкинет в следующий момент.

— О, как мило, — пробормотал он себе под нос. — Все так рады меня видеть. Прямо семья.

Его улыбка стала ещё шире, ещё острее. Он знал: сегодня здесь будет весело. По-чёрному. И кто-то обязательно заплатит за это весельем своей кровью.

Один из бандитов нервно дёрнул галстук, будто тот душил его. Пего заметил это и подмигнул ему. Тот побледнел.

Что это значило? А то, что о Пего знал каждый здесь присутствующий — и явно его опасался.

И правильно! Пего для каждого был опасен — от этого он чувствовал себя прекрасно, словно вампир, упивающийся-

ся чужим страхом. Каждая капля напряжения в воздухе подпитывала его, давала заряд энергии, будила азарт.

Шаг за шагом. И вот уже главный зал перед глазами. Пальцы Пего небрежно дёрнули лацканы чёрного пиджака, распахивая грудь — демонстративно, вызывающе, будто бросая вызов всему залу.

Он остановился, когда они с Мелом вошли в мраморный зал с огромным каменным столом. Вокруг воцарилась мёртвая тишина — будто кто-то выключил звук в этом мире. За столом сидели крупные фигуры криминального мира: тяжеловесы с каменными лицами, акулы бизнеса, привыкшие рвать глотки ради прибыли.



Пего обвёл всех ехидным прищуром, смакуя каждую реакцию: кто-то закатывал глаза от презрения, кто-то судорожно сглатывал, пытаясь удержать подступающий страх, а один лишь тупо улыбался ему.

Это был отец Пего.

— Дмитрий! Займи место рядом, — кивнул отец на пустой стул, и его голос прозвучал неестественно ровно, почти дружелюбно.

Бровь Пего невольно взметнулась вверх — он не понимал, к чему вдруг эта вежливость. От одного звука своего настоящего имени внутри всё перевернулось. Слышать это было мерзко, противно, будто кто-то провёл ногтями по стеклу.

Но выбора не было. Приходилось занять это место — сесть рядом с человеком, от которого фонило лицемерием за километр. Отец улыбался — улыбка у него была идеально выкроена под улыбку Пего: такая же безумная, пугающая, пропитанная скрытой жестокостью.

Пего едва заметно приподнял уголок рта, заметив в рыжей шевелюре отца редкие седые волосы у виска. Их было немного, но каждый новый радовал его до дрожи.

«Близок к старости, — подумал он с мрачным удовлетворением. — Близок к могиле. Побыстрее бы!»

Пока отец вещал о каком-то чрезвычайном обстоятельстве, которое нужно было решить в кратчайшие сроки, Пего не переставал выискивать новые седые волосы. Сейчас это

было куда интереснее, чем слушать его напыщенные речи. Он разглядывал отца, как коллекционер — редкий экспонат, отмечая каждую морщинку, каждую тень усталости на лице.

Отец вдруг посмотрел на него, брови сошлись к переносице — он не понимал, почему сын так пристально его изучает. В его взгляде читалось недоумение, едва уловимая тревога.

Пего улыбнулся — широко, хищно, — и подмигнул, откинувшись на спинку стула.

— Слушаю внимательно, отец, — произнёс он с издёвкой, растягивая слова. — Продолжай. Очень интересно!

В зале повисла тяжёлая пауза. Кто-то из присутствующих нервно поёрзал на стуле, кто-то сглотнул.

Пего взглядом, острым как бритва, порезал всех, кто смотрел на него — с разочарованием, страхом или ненавистью. Он-то знал: в глубине души это отвращение. И что с того?

Это было даже забавно. Пего выделялся — и прекрасно это осознавал. Его внешность искрила, била по нервам, заставляла сердце биться чаще — то ли от ужаса, то ли от странного, почти болезненного восхищения.

Рыжие волосы, больше похожие на пламя, чем на обычный волосяной покров, полыхали даже в тусклом свете клуба. Разные глаза — один зелёный, другой голубой — словно два окна в разные миры: один холодный и расчётливый, другой — безумный, пылающий жадной игрой. А улыбка О, эта улыбка. Она была похожа на отцовскую — но в сто раз

безумнее, опаснее, притягательнее. В ней читалась чистая, незамутнённая жестокость — и какая-то дьявольская харизма.

Отец продолжал вещать — монотонно, важно, будто его слова решали судьбы мира. Пего метнул взгляд на Мела. Мальец стоял рядом с другими охранниками и действительно выделялся: юный, хрупкий, почти невинный на фоне этих громил.

Какая прелестная картина!

Скрещённые руки у паховой области, наушники в ушах, чёрные костюмы — всё как под копирку. А Мел Мел был в прямом смысле мелким. И это так смешило Пего, что он едва не расхохотался в голос. Непохожесть мальчишки, его наивная стойкость — всё это вызывало странное, почти нежное любопытство.

«Ладно, — подумал Пего. — Убит он не будет».

Ему нравилось это отличие. Нравилось, что Мел не отводит взгляд, держится стойко, даже не дрожит.

Занимательно И как же притягательно!

Но голос отца, вламывающийся в уши, как набат, раздражал невыносимо. Как бы ни хотелось продолжать улыбаться, Пего состряпал на лице кислую мину.

Он решил сосредоточиться на чём-то другом и принялся пристально разглядывать профиль сидящего рядом человека. Тот начал заметно нервничать: косился на Пего украдкой, вздрагивал, когда тот наклонялся ближе.

— Ты фонишь страхом, — прошептал Пего у самого уха соседа, вдыхая запах его пота и тревоги. — Чувствую, как он сочится из каждой поры.

Мужчина попытался выдохнуть, но только ещё больше напрягся. Гортань дёрнулась — он сглотнул комок страха, застрявший в горле.

Это так позабавило Пего, что он не удержался и добил его правдой — с улыбкой, от которой кровь стыла в жилах:

— Хочешь, убью тебя? Это явно поможет тебе перестать так трястись. Прямо сейчас — бац! — и никаких больше нервов.

— Отвали от меня, сука! — зашипел мужчина резко, срывающимся голосом.

Пего откинулся на спинку стула и расхохотался — громко, раскатисто, с хрипотцой, от которой по залу пробежала волна мурашек. Он наслаждался каждой секундой: страхом в глазах мужчины, напряжением в воздухе, тем, как все вокруг невольно замерли, прислушиваясь к этой опасной игре.

В эту же секунду Пего театрально вскинул ладони вверх — будто сдавался, хотя в глазах плясали дьявольские искры. Охранник напротив наставил на него пушку, а в следующий миг Мел, этот щуплый малец, уже целился в того, кто угрожал Пего.

— Хахаха! — расхохотался Пего, запрокинув голову. — Теперь куда веселее стало! Прямо цирк, только без слонов. Жаль, попкорна нет.

— Дмитрий! — окликнул отец, голос звучал жёстко, как удар хлыста.

Пего продолжал держать ладони на весу — чисто для антуража, — пожал плечами и бросил взгляд на отца. Потом, растягивая слова с издёвкой, выдал:

— Так мерзопакостно скучно слушать здешнее нытьё, что не удержался. Хочу фактов, а не воды! Все мы тут знаем о наших сущих проблемах — так глаголь, что делать нужно, а не лясы точи, — цокнул он языком, будто разговаривал с несмышлёным ребёнком.

— Выражение подбирай, — зарычал отец, и вены на его шее вздулись от злости.

— Прости! — Пего театрально прикрыл рот рукой, широко распахнув глаза в притворном раскаянии. — Чушь сморозил, папка!

— Твой недоношенный прав, Павел. Переходи уж к сути, — подал голос Эдуард, сидевший на противоположной стороне стола. Так далеко, что Пего пришлось прищуриться, чтобы разглядеть его физиономию.

— Кто такой недоношенный? — сморщился Пего, изображая крайнее недоумение.

— Это ты, — закатил глаза Эдуард, явно уставший от этой игры.

— Я? — Пего схватился за сердце с таким видом, будто его смертельно ранили. — О, как больно! Прямо в самое сердце, Эдик. Ты безжалостен!

Он нагнулся к брюнету и прошептал, почти касаясь его уха:

— Прости, малыш. Первую строчку хит-парада занял Эдик. Но не переживай! Я тебя вторым грохну — чтобы не обидно было.

— Ты достал, — прошипел мужчина, сжимая кулаки.

— Ещё даже не дотянулся! — цокнул Пего и откинулся на спинку стула с видом победителя.

Подмигнул отцу — тот смотрел на сына пристально, дыша часто, будто внутри бушевал шторм ярости. Злоба клокотала в груди, готовая вырваться наружу. Пего наслаждался этим зрелищем — он обожал выводить людей из себя.

Отец медленно втянул воздух через нос, будто пытался унять бурю внутри, и наконец произнёс:

— Дмитрий вступит в брак.

Тут у Пего буквально глаза на лоб полезли, а челюсть отвисла — на мгновение он даже потерял свою фирменную маску циничного весельчака.

— Шутишь? — прищурился он на отца, пытаясь уловить хоть намёк на шутку в его лице. Но там была лишь холодная решимость.

— Шутки кончились, сын. Ты вступишь в брак с дочерью владельца порта. Гробов хочет гарантий. Брак даёт гарантию, что данная афера будет поровну разделена и никто один из неё сухим не выйдет.

— Сам бракосочетайся! В четвёртый раз — как первый

раз, говорят, знаешь? — морщится Пего, бросая на отца яростный взгляд, в котором плещется чистая, незамутнённая ненависть.

— Я стар, — спокойно отвечает отец.

— Я молод, — пожимает плечами Пего, растягивая губы в кривой усмешке.

— Да. Потому ты — отличный вариант. Тем более это условие Грובהа.

— Да чхал я на его условия! И на этот брак, — цокнул Пего. — Пусть всё к чёрту летит, вместе с Эдиком! — фыркнул он, демонстративно отворачиваясь.

— Коней своего сына останови, Павел. Иначе он отсюда в этот раз точно живым не выйдет, — говорит ровным тоном Эдуард, разглядывая бокал в своей руке.

— Угрожаешь мне? Какая прелесть! — улыбнулся Пего, и в глазах его вспыхнул опасный огонёк предвкушения расправы. — Я уже слышу, как ты визжишь, словно поросёнок, пока я тебе грудную клетку разрываю. Медленно. С наслаждением!

— Кто за то, чтобы Дмитрий вступил в брак? — вдруг громко произносит отец Пего, ударив ладонью по столу.

Пего начинает дрожать от ярости. Он сжимает кулаки так, что костяшки белеют. Взгляд мечется по залу — и он видит, как весь стол, а именно тринадцать мужчин, поднимают руки вверх. Каждого Пего запомнил. И каждому уже мысленно подготовил свою «шутку» — изошрённую, жестокую, неза-

бываемую.

— Единогласно! — хмыкнул отец, явно довольный результатом.

— До-ржался, шизанутый? — усмехнулся брюнет, сидящий рядом, наклонившись к уху Пего.

Терпение лопнуло.

Пего, не сдерживая злости, яростно посмотрел отцу в глаза, схватил мужика, сидящего рядом, за галстук и со всей силы резко дёрнул вниз. Так, что тот с глухим стуком рухнул лицом в каменный стол.

— Убился! — прошипел Пего.

— Тварь! — провизжал мужик.

— Сама такая, — прошипел Пего в ответ и кивнул Мелу.

Мел понял без слов. В ту же секунду он выпустил пулю прямо в висок громилы, который уже намеревался пустить пулю в Пего. Звук выстрела резанул по нервам, но Пего только усмехнулся.

Пего поднялся с места и, склонившись к макушке отца — встав позади него, — прошипел:

— Всегда был инструментом гадости для тебя. А теперь решил сделать инструментом мерзости? Знаешь, я так повеселюсь с его дочуркой, что потом все здесь сидящие будут молить меня развестись! И да, папаша, придёт время — и мой нож пронзит твою миллиметровую точку, которую ты считаешь огромным сердечком. Прямо в центр!

— Слышала бы тебя мать

— Слышит! — повышает Пего голос, и в нём звучит столько боли и ярости, что даже самые хладнокровные вздрогнули. — И только изза тебя она сказать ничего в ответ не сможет!

Он подходит к Мелу, выхватывает у него оружие и с широкой, безумной улыбкой выпускает пули по охранникам — методично, расчётливо. Одна за другой «кегли» падают на пол. Пего смеётся — громко и раскатисто, явно наслаждаясь.

Развернувшись к застывшей публике за каменным столом, он кланяется с фирменной улыбкой — острой, пугающей, завораживающей:

— Каждого грохну! — чеканит он.

Кивает Мелу на выход и идёт вперёд, яростно растягивая ворот рубашки. В голове бьётся одна мысль: «Я вступлю в брак. Чтобы Гробов оказался в моих руках. А каждому, кто поднял сейчас руку, я уготовил самые изощрённые шутки. Ибо не на того они это взвесили. Не на того!»

Пего садится в машину. Мел сразу же выжимает газ. По приказу набирает Лика.

— Слушаю, Мел?

— Лик! Дружище! — хохочет Пего на весь салон автомобиля, его смех отдаётся эхом в ушах Мела. — Собирай информацию на всю компашку отца! Живо!

— Что произошло? — настороженно спрашивает Лик.

— Я женюсь! — рычит Пего. — А ещё я убью каждого из них! По одному. Медленно. Чтобы запомнили.

Машина рвёт с места, оставляя позади клубы пыли и запах пороха. Пего откидывается на сиденье, закрывает глаза и улыбается, предвкушая скорые забавные представления.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.